

I.

ИЗЪ ЗАПИСОКЪ

ПРУССКАГО ГЕНЕРАЛА-ОТЪ-ИНФАНТЕРІИ БРАНДТА

0

ПОХОДЪ НАПОЛЕОНА ВЪ РОССІЮ ВЪ 1812 ГОДУ.

IV.

Движеніе чрезъ поле сраженія при Валутиной Горѣ къ Дорогобужу, Семлеву, Вязьмѣ, Гжатску. — Сосредоточеніе арміи. — Далеко у Шевардинскаго редута. — Сраженіе при Можайскѣ. — Вывозъ на погребеніе бородинаской битвы. — Выступленіе къ Москвѣ.

Мы выступили изъ Смоленска 24-го (12-го) августа рано утромъ. День былъ теплый и мы двигались, уже въ сильную жару, чрезъ поле сраженія при Валутиной Горѣ. Трупы лежали еще не погребенными и представляли страшное зрѣлище. — «Вотъ посмотрите, мой юный другъ: всѣхъ насъ ожидаетъ такая же участь», сказалъ мнѣ старый капитанъ Разовскій ломаннымъ французскимъ языкомъ, который онъ говорилъ лишь тогда, когда хотѣлъ, чтобы солдаты не понимали о чемъ идетъ рѣчь. Я сообщилъ эту перспективу другу моему Жоравскому; молодой человекъ не вымолвилъ ни слова, но когда теплый вѣтерокъ сталъ обдавать насъ трупнымъ запахомъ я ми должны были пробираться между многочисленными тѣлами, онъ не выдержалъ и воскликнулъ:

Quels traits me présentent vos faits,
Impitoyables conquérants!... (*)

(*) „Какія черты являются намъ для войны, безжалостные завоеватели!“

Замѣчательною являлась и здѣсь несоразмѣрность убитыхъ между французами и русскими; послѣднихъ можно было узнать по гладковыстриженнымъ головамъ. Очень вѣроятно, что причиною тому были и лучшее огнестрѣльное оружіе французовъ, и болѣе правильное употребленіе войскъ. Мнѣніе, будто французы всегда хоронили своихъ убитыхъ—чистая выдумка. До такой степени они не доводили своей нѣжности. Тоже наблюденіе сдѣлалъ я у Самтановки и подъ Смоленскомъ.

Въ первый день выступленія мы бивуакировали на пустынной мѣстности, въ 24 верстахъ отъ Смоленска. Такой же бивуакъ былъ и на другой день, въ 42 верстахъ отъ этого города. Находились мы въ довольно значительномъ отдаленіи отъ твердин, прикрывая, повидимому, ея лѣвый флангъ; ночью два раза становились въ ружье по причинѣ появленія казаковъ; однако, патрули, ѣздившіе далеко, не открыли ничего. Впрочемъ опытные солдаты, и даже офицеры, утверждали, что слышали движеніе довольно большой массы кавалеріи. Черезъ уцѣлѣвшій, но покинутый жителями Дорогобужъ мы прошли не останавливаясь и расположились лагеремъ въ тридцати верстахъ отъ него, въ лѣсу, изъ-за котораго выказывались колокольня и куполы монастыря. По недостатку воды, люди не могли сварить себѣ пищи и удовольствовались поджареннымъ на угольяхъ мясомъ; всѣ, однако, были довольны, потому что канонада, гремѣвшая въ этотъ день, поддерживала надежду на рѣшительное сраженіе.

28-го (16-го), въ девять часовъ утра, выступили мы далѣе среди такой густой пыли, что едва могли дышать. На разстояніи тридцати или сорока шаговъ нельзя было видѣть даже толстыхъ березъ, окоймлявшихъ дорогу; вдобавокъ мы очень нуждались въ водѣ, и потому вдвойнѣ страдали отъ жары. Около четырехъ часовъ полудни подошли къ Семлеву и расположились у небольшой рѣки, окруженной трупами убитыхъ лошадей; мѣстами лежали и человѣческія тѣла. Бой, здѣсь происходившій, стоялъ, по-видимому, нѣсколькихъ сотенъ жертвъ (*). Вода въ рѣчкѣ была грязная и дур-

(*) Въ ночь съ 12 (24) на 13 (25) августа наши арміи стали отступать изъ подъ Дорогобужа къ Вязьмѣ тремя колонами: правая (оборотясь фронтомъ къ сторонѣ непріятеля), состоявшая изъ 2-го пѣхотнаго и 1-го кавалерійскаго корпусовъ, съ тремя казачьими полками, двинулась на Конюшкино и Аеоунаево; средняя—3-й, 4-й и 5-й пѣхотные корпуса, со всею резервною артиллеріею первой арміи—направлена была на Чоботова и Семлево; лѣвая—войска второй арміи—на Божанъ и Лушки. Арьергардомъ правой колоны, состоявшимъ изъ драгунскихъ полковъ Иркутскаго и Сибирскаго, 30-го и 48-го егерскихъ полковъ и одного казачьяго, командовалъ генералъ-майоръ Крейдъ; средней—генералъ Платовъ;

наго качества; солдаты отвели ее въ ямы, быстро вырытыя или на несчастномъ берегу, и въ нихъ очистили негодную къ употребленію воду.

Ни въ чисто-военныхъ, ни въ военно-историческихъ книгахъ нигдѣ не упоминается о пыли, какъ о тягости, сопровождающей войска на походѣ. Если бы мнѣ предоставили выборъ между шестью, восемью градусами холода безъ вѣтра, я предпочелъ бы холодъ для всякаго рода военныхъ дѣйствій, даже для бивуака, той пыли, якая сопутствовала намъ чуть не ежедневно съ самаго выхода нашего изъ Смоленска. Если прибавить къ этому почти постоянный недостатокъ въ водѣ, чрезвычайно скудную пищу, состоявшую изъ каши, иногда изъ мяса отъ изнуреннаго скота, то можно имѣть приблизительное понятіе о нашихъ страданіяхъ. Хлѣбъ былъ рѣдкостью и замѣнялся распаренною рожью. Все, что мы вытерпѣли при осадѣ Сарагосы, во время нашихъ переходовъ по солончаковымъ степямъ Арагоніи, на спаленныхъ солнцемъ возвышенностяхъ Арагоніи, все это нашли мы здѣсь въ совокупности.

29-го (17-го) августа вступили мы въ Вязьму, расположились бивуакомъ въ нѣсколькихъ верстахъ отъ города и простояли здѣсь все 30-е (18-е) число. Городъ лежитъ на небольшой возвышенности; но съ юго-западной стороны, на разстояніи пушечнаго выстрѣла, надъ нимъ господствуетъ горный хребетъ, который вдали ограничивается лѣсомъ. Сѣварный берегъ выше южнаго. Русскіе оставились къ сѣверу отъ города, встрѣтили французовъ живую канонадою и только послѣ довольно продолжительнаго дѣла продолжали свое отступленіе (*). Уходя, они зажгли магазины. Огонь скоро пеловой—генералъ-адъютантъ Васильчиковъ. Для поддержанія арьергарда были оставлены назадъ 2-й и 3-й кавалерійскіе корпуса. 15 (27) августа обѣ колонны первой арміи соединились при Вязьмѣ; вторая армія расположилась у деревни Быковой; арьергардъ, достигнувъ рѣки Осмы, у селенія Рыбки, былъ атакованъ Мюратомъ, держался семь часовъ у селенія Блюмирскаго, близъ Семлева, и къ вечеру 15 (27) получалъ приказаніе отступить. Отрядъ Крейца, остававшійся назадъ въ 15-ти верстахъ отъ Вязьмы для прикрытія справа отступленія главныхъ силъ черезъ городъ, также выдержалъ стремительную атаку. Уронъ нашъ простирался до 230 человекъ.

(*) Известно, что Барклай-де-Толли, отойдя къ Вязьмѣ, предполагалъ воспользоваться раздѣленіемъ непріятельскихъ силъ и перейти въ наступленіе; но какъ здѣсь не оказалось удобной позиціи, то наши арміи отступили 16 (28) августа къ Федоровскому. Арьергардъ, при отступленіи къ Вязьмѣ, былъ атакованъ превосходными силами Мюрата и Даву, но удержался до самой ночи. Отступленіе нашего арьергарда производилось такимъ образомъ, что на всякомъ выгнѣдѣ для дѣйствія артилеріи пунктъ выставлялось нѣсколько конныхъ орудій, подъ прикрытіемъ кавалеріи—въ мѣстахъ открытых и легкой пѣхоты—на мѣстности пересѣченной. Орудія эти, обстрѣливая подходившаго непріятеля, заставляли его

рекнулся въ городъ, и хотя изъ авангарда немедленно были высланы люди для тушенія пожара, однако большая часть Вязьмы выгорѣла. Впослѣдствіи, французы воспользовались уцѣлѣвшими домами для своей обороны. Съ трудомъ пробирались мы чрезъ дымившіяся пожарница; впрочемъ шли, по возможности, торопливо, потому что, по общему мнѣнію, здѣсь надлежало произойти сраженію.

И на маршѣ къ Вязьмѣ мы жестоко страдали отъ жары и пыли, вредоносно дѣйствовавшей въ особенности на глаза. Французъ, найдя кусочекъ стекла, тотчасъ же мастерилъ изъ него очки—консервы, то есть обертывалъ два стеклышка кожей или холстиною и прикрѣплялъ къ глазамъ. Другіе завязывали себѣ голову носовымъ платкомъ, оставляя открытаго пространства лишь на столько, что бы можно было видѣть и дышать, а киверъ несли въ рукахъ; многіе срывали съ деревъ листья, охлаждали ими лобъ и освѣжали дыханіе. Уже въ это время армія представляла вовсе ненарядный видъ; но свѣжій вѣтерокъ, небольшой дождь изглаживали слѣды маскарада и вводили все и всѣхъ въ обычную колею. Достиженіе Вязьмы не произвело никакой перемѣны въ продовольствіи. Наши солдаты еще прежде пробовали ѣсть конину; теперь конское мясо стало входить въ большее употребленіе, такъ какъ русскіе угоняли скотъ далеко отъ дороги. Соли у насъ часто не было: люди распускали въ водѣ порохъ своихъ патроновъ, чтобы хотя такимъ невкуснымъ растворомъ приправить свою убогую пищу.

Хорошо обработанные огороды вокругъ Вязьмы доставили намъ кое—какіе овощи, и счастливый обладатель соли могъ, въ первый разъ по выступленіи изъ Смоленска, приготовить себѣ сносный обѣдъ. Голодъ и лишенія уже довели людей до того, что они приносили въ лагерь и варили все то, что проходившіе прежде ихъ бросали какъ вещь негодную.

31—го (19—го) августа продолжали мы, при прежнихъ условіяхъ, маршъ къ Федоровскому. Изъ авангарда неоднократно слышалась канонада. На другой день расположились лагеремъ недалеко отъ Царева—Займища. Поляки съ нетерпѣніемъ ожидали достиженія этого мѣста, игравшаго въ исторіи ихъ войнъ столь памятную роль. По близости, знаменитый Жолиѣвскій разбитъ, 4—го іюля 1610 года, русско—шведское войско, предводимое де—ла—Гарди, быстро подступилъ къ Москвѣ и здѣсь, при содѣйствіи одной партіи, низложилъ,

выдвигать сильнѣйшія батареи и развертывать войска въ боевой порядокъ, а потомъ быстро отъѣзжали и наводили наступающаго на другія орудія, которыя дѣйствовали подобнымъ же образомъ.

T.

24-го іюля, царя, ввѣлъ его въ плѣнь и провозгласилъ молодого Владислава царемъ московскимъ. 27-го августа вступилъ онъ въ самую Москву и принималъ депутатовъ, избравшихъ польскаго королевича. Имена потомковъ, служившихъ подъ знаменемъ Жолтѣвскаго, всѣ красовались теперь въ наполеоновской арміи, и нѣкоторые изъ нихъ занимали даже высокія должности. Неудивительно, что поляки одушевились воспоминаніями объ этомъ времени. И тогда польскія дружины двигались по той же дорогѣ, по которой мы слѣдовали. Король Сигизмундъ осадилъ Смоленскъ. На помощь осажденному городу выступила сильная рать, передовыя войска которой, въ числѣ 10,000 человекъ, заняли царевскія дефилеи, немедленно укрѣпили ихъ и разбили посланный противъ нихъ отрядъ. Вслѣдствіе этого, король поручилъ начальство отважному Жолтѣвскому; тотъ, окруживъ Царево земляными верками, и оставивъ лишь наблюдательный отрядъ, самъ выступилъ форсированнымъ маршемъ противъ главной русской рати, напалъ на нее врасплохъ, нанесъ ей уронъ въ 12,000 убитыми и многими плѣнными и обратилъ ее въ бѣгство (*).

(*) Припомнимъ нѣкоторыя подробности этого событія такъ, какъ онъ изложено въ нашихъ изтопискахъ. После смерти знаменитаго молодого воеводы князя Скопина-Шуйскаго, занемогшаго на пиру у князя Воротынскаго (23-го апрѣля 1610 года), порвалась связь между царемъ Василіемъ Шуйскимъ и народомъ, потому что одинъ доблестный Скопинъ поддерживалъ въ русскихъ людяхъ надежду на лучшее будущее. Самъ царь Василій былъ старъ и бездѣтеленъ; брата его, Дмитрія, человека гордаго, извѣстнаго, не любилъ и, притомъ, его обвиняли въ отравленіи князя племянника. Въ это-то тревожное и безотрадное время, рязанскій воевода, Прокопій Ляпуновъ, поднялся противъ царя Василія, сталъ требовать его сверженія, вступилъ, въ Калугу, въ переговоры съ тушинскимъ самозванцемъ, а въ Москвѣ началъ совѣщаться съ княземъ Василіемъ Васильевичемъ Голицынымъ, которому крѣпко хотѣлось сѣсть на престолъ. Въ это же время, войско московское, вѣдѣвъ со вспомогательными шведскими отрядами, выступило противъ поляковъ, по направленію къ Смоленску, подъ начальствомъ неспособнаго главнаго воеводы Дмитрія Шуйскаго. Онъ отправилъ Вагуева (Григорія Леонтьевича) и князя Елецкаго, съ 6,000 ратниковъ, для занятія и укрѣпленія передовой позиціи у Царева-Займища, которую они и ототанивали мужествомъ противъ соединенныхъ польскихъ силъ. Но гетманъ Станиславъ Жолтѣвскій скрытно обошелъ позицію ночью, атаковалъ, 24-го іюня, воеводу Дмитрія Шуйскаго при деревнѣ Клаушинѣ и разбилъ его на-голову, чему немало помогла извѣстная новосемныхъ союзинокъ Шуйскаго. Возвратившись къ Займищу, Жолтѣвскій потребовалъ, что бы русскіе воеводы сдались и присягнули королевичу Владиславу, какъ царю московскому. Затѣмъ Жолтѣвскій пошелъ къ Москвѣ, а съ другой стороны сѣвшилъ туда же изъ Калуги самозванецъ, въ надеждѣ, что москвичи скорѣе примутъ его, чѣмъ польскаго королевича. 17-го іюля, толпы народа, болѣе и всякаго званія люди, собравшись у Серпуховскихъ Воротъ, приговорили бить челомъ царю Василію Ивановичу, чтобъ онъ оставилъ жарство, ради того, что князь врозь млеталъ и въ народѣ толковали, что онъ несчастливый государь. 19-го іюля царя насильно пострелили и свезли въ Чудовъ Монастырь. Огромное большинство не хотѣло молка Владислава, чернь держала сторону са-

Къ сомалѣнію, польскому корпусу наполеоновской арміи не суждено было занять Царево-Займище: онъ прикрывалъ правый флангъ главной арміи, находившейся въ нѣсколькихъ миляхъ вправо.

У насъ сначала думали, что русскіе примутъ сраженіе въ этой крѣпкой позиціи; но они продолжали свое отступленіе, и мы, въ свою очередь, послѣдно послѣдовали за ними (*).

3-го сентября (22-го августа) достигли мы Гжатска, окруженнаго со всѣхъ сторонъ огородами. Вообще страна отъ Вязьмы до Гжатска представляла совершенно другой характеръ, нежели край, пройденный нами отъ Минска до Смоленска и далѣе. Въ песчаной и болотистой Литвѣ, за исключеніемъ береговъ Вилии, лишь изрѣдка попадаются мѣстности, которыя можно назвать холмистыми, а здѣсь холмы, луга, сады и поля смѣняютъ другъ друга и пріятно успокоиваютъ глазъ. Все это, вѣстѣ съ нѣсколькими холодноватыми днями, освѣжило насъ.

Первое сопротивленіе, обнаруженное русскими, извѣстіе о призывающаго Жолквскій стоялъ тогда въ Можайскѣ; самозванецъ въ селѣ Коломенской. Боярская дума не видѣла возможности отбиваться отъ двухъ непріателей, и потому первый бояринъ, князь Мстиславскій, что бы не допустить въ Москву втораго Лжедмитрія, далъ знать Жолквскому, чтобы тотъ бесцѣлительно шелъ подъ столицу. Тогда и начались переговоры между гетманомъ и боярами о признаніи Владислава царемъ московскимъ.

T.

(*) Позиція при Царевомъ-Займищѣ была одобрена Барклайемъ-де-Толли и отвергнута Кутузовымъ. По мнѣнію нѣмецкихъ военныхъ историковъ войны 1812 года, она была неодолима. Такъ, нижеранний майоръ Блесонъ (бывшій впоследствии редакторомъ берлинской „Военно-литературной Газеты“), обозрѣвавшій эту мѣстность, признавалъ ее лучшей оборонительною позиціею на всемъ пространствѣ отъ Смоленска до Москвы. Онъ говорилъ, что къ ней ведетъ плотина (займище), длиною на нѣсколько часовъ (или верстъ) чрезъ болота, тянущіеся справа и слѣва на „необозримое пространство“. Самая же позиція, по его словамъ, образуется отлогими высотами, огибающими дугою выходъ съ плотины. „Попытка прорваться силою черезъ эту плотину“—прибавляетъ Блесонъ—„какъ при Валутиаѣ, никогда не имѣла бы успѣха, а обходъ ея завелъ бы такъ далеко, что обходящій корпусъ потерялъ бы связь съ другими отрядами; слѣдовательно, долженъ былъ бы одинъ выдержать сраженіе, въ которомъ русскіе, оставивъ для охраненія плотины часть артилеріи и войскъ, могли бы ввести въ дѣло все свои силы. Въ позиціяхъ же далѣе, назадъ, ничто не могло замѣнить Царева-Займища, и, перейдя чрезъ плотину, Наполеонъ, при тогдашнемъ положеніи арміи, вступилъ, можно сказать, въ Москву“. Блесонъ думаетъ, что эта превосходная позиція оставлена была русскими единственно потому, что здѣсь Кутузовъ принялъ главное начальство надъ арміями. Въ дѣйствительности, „царева плотина“ имѣетъ въ длину не болѣе версты; болота же тянутся вправо отъ позиціи верстъ на пять, а влево версты на три, и въ сухую погоду вовсе не преграждаютъ пути: въ 1812 году наши войска были расположены не за болотами, а впереди ихъ, тыломъ къ тѣмъ самымъ болотамъ, которыя Блесонъ считалъ непроходимыми. Впрочемъ и самъ Барклай, несяшая выгоды позиція при Царевомъ-Займищѣ, не упоминалъ о ея неодолимости, не считалъ ее неприступною ни съ фронта, ни съ фланговъ.

T.

бытіи новаго главнокомандующаго, «*suivant d'Austerlitz*» (*), какъ прозвали французы стараго Кутузова, самыя распоряженія, сдѣланныя начальствомъ, заставляли предвидѣть и надѣяться, что наконецъ послѣдуетъ рѣшительный ударъ. Въ третій разъ армія была здѣсь въ сборѣ; того, чего она вовсе не достигла медъ Витебскомъ, а подъ Смоленскомъ достигла лишь отчасти, надѣялись достигнуть здѣсь (**). Войска получили приказаніе заготовиться продовольствіемъ; патроны были пополнены; генералы производили смотры и вели счетъ годнымъ къ бою. Удѣлѣвшіе люди ободрились, стояли подъ ружьемъ такими свѣжими, такими опрятными, какъ будто только что выступили. Мы хорошо были снабжены обувью; мундиры и панталоны были какъ новые; только шинели крѣпко поизносились. Воспользовавшись большимъ кирпичнымъ сараемъ и обширными къ нему пристройками, мы *въ первый разъ*, въ этотъ походъ, спали подъ кровлею; дождь, раза два случившійся въ эти дни, охладилъ воздухъ, разогналъ наше мрачное настроеніе, а близость воды позволила намъ очиститься и обмыться отъ пыли.

4-го сентября (23-го августа), въ пять часовъ утра, оставили мы нашу лагерную стоянку. Мы слѣдовали за 1-мъ корпусомъ. Пѣхота его находилась въ хорошемъ состояніи; кавалерія же и артилерія не представляли удовлетворительнаго вида; особенно жалки были лошади. Офицеры, имѣвшіе случай видѣть кавалерійскіе корпуса, расположенные за милю впередъ, сказывали, что тамъ лошади были еще хуже и что только нѣмецкіе и польскіе полки казались порядочными. Между тѣмъ какъ 4-й и 5-й корпуса—итальянцы и поляки—прикрывали лѣвый и правый фланги въ разстояніи нѣсколькихъ часовъ, 1-й и 3-й корпуса, гвардія и резервная артилерія двигались по прямой дорогѣ. Наша дивизія слѣдовала поодаль за 3-мъ корпусомъ и поддерживала сообщеніе между нимъ и гвардіей. Послѣ многократныхъ остановокъ, отчасти по причинѣ исправленія мостовъ, разрушенныхъ русскими, отчасти отъ выбоинъ на дорогѣ, размытыхъ дождемъ, добрались мы довольно поздно до Гряденовой и, по ту сторону деревни, расположились бивуакомъ въ густомъ лѣсу.

5-го сентября (24-го августа) дивизія наша выступила одновременно съ 3-мъ и 1-мъ корпусами, и, по прежнему, поддержи-

(*), «*Vive bien qui rit le dernier*» говоритъ французская пословица. Тотъ, надъ которымъ жаль глумилась французы, черезъ два мѣсяца гналъ въ шлемъ названныхъ гостей и почти всѣхъ уложилъ въ святому могилу. Т.

(**) Въ строгомъ смыслѣ, французская армія не достигла ничего и подъ Смоленскомъ, или, точнѣе, Наполеонъ не достигъ того, къ чему стремился—вовлечь нашу армію въ генеральное сраженіе и разгромить ее. Т.

вала связь послѣдняго корпуса съ гвардіей. За гвардіей шелъ теперь и 8-й корпусъ, притянутый форсированными маршами. Въ этотъ день силы были еще болѣе сосредоточены, чѣмъ наканунѣ; армія образовывала собственно только двѣ большія колонны, и 3-й корпусъ сблизился съ 1-мъ такъ, что оба находились въ тактической между собою связи. Едва отошли мы нѣсколько верстъ отъ нашего бивуака, нашъ услышали гулъ канонады. Мало-по-малу она усиливалась: русскіе, упорнѣе нежели обыкновенно, защищали подступы къ Колодному Монастырю, лежащему въ трехъ часахъ отъ Гряднева, на Можайской дорогѣ (*).

Армія стала размыкаться и двигалась шире: все было готово къ бою. По временамъ слышался ружейный огонь, сопровождаемый канонадою. Бывали моменты, когда съ нѣкоторыхъ отдѣльныхъ возвышенностей можно было рассмотреть, довольно отчетливо, всю армію; подвигавшуюся впередъ разнообразными извилинами. Влѣво, не въ дальнемъ разстояніи, видѣнъ былъ 4-й корпусъ; по тучи казаковъ и многочисленныя массы кавалеріи еще закрывали русскую пѣхоту. Позади насъ, вдали, шли войска, войсковыя принадлежности и обозы.

Пасивное самоотверженіе, вызванное продолжительнымъ походомъ и отсутствіемъ самыхъ обыкновенныхъ жизненныхъ потребностей, смѣнилось, по-видимому, боевою отвагою, съ приближеніемъ рѣшительнаго сраженія. Когда солдаты удостовѣрились, что видятъ предъ собою противника, готоваго встрѣтить ихъ, воздухъ огласился радостными криками; большіе забыли свои недуги; даже слабосильные оживились и спѣшили къ своимъ подкамамъ.

Довольно пересѣченная мѣстность затрудняла наступленіе. Густой лѣсъ раздѣлялъ, на нѣсколько милютъ, авангарды обѣихъ армій. Нашъ авангардъ скорымъ шагомъ прошелъ лѣсъ; вмѣстѣ съ нимъ, и непосредственно за нимъ, появилась на полѣ сраженія и кавалерія. Съ возвышенныхъ мѣстъ видѣлись длинныя линіи пѣхоты и роты; со всѣхъ сторонъ гремѣли пушечныя выстрѣлы. Князь Понатовскій подвинулся со своимъ корпусомъ дальше влѣво. Дивизія Князевича заняла крайній правый флангъ и, подъ покровительствомъ сильной артиллеріи, проникла на старую московскую дорогу, въ лѣсъ

(*) 24-го августа (5-го сентября), въ шесть часовъ утра, французы двинулись отъ Гряднева къ Колодному Монастырю. Въ три часа пополудни, авангардъ Мюрата атаковалъ наши артиллерійскія войска (Коловницына), расположенныя впереди монастыря, и весьма успѣшно удерживавшія наперѣ неприятелю. Здѣсь отличился, въ особенности, Изюмскій гусарскій полкъ: онъ, при содѣйствіи казаковъ, истребилъ три неприятельскихъ эскадрона 3-го итальянскаго конно-егерскаго полка.

передъ отъихи флангомъ. 1-й корпусъ вошелъ въ тактическую связь съ 5-мъ; Ней (3-й корпусъ) поддерживалъ сообщеніе съ 4-мъ. Съ пригоръ, у деревни Валуевой, видна была, вправо отъ дороги, въ не слишкомъ большомъ разстояніи, укрѣпленная высота, а позади ея, длинными рядами, стояла русская армія. Лишь только войска достигли этого пункта, снова раздались громкія радостныя восклицанія. Впередѣ громъ канонады усиливался. Спустившись въ луговую долину, мы увидѣли Наполеона, ѣхавшаго отъ лѣваго фланга. Онъ былъ здѣсь не одинъ, какъ подъ Смоленскомъ: впереди его галопировалъ офицеръ, сопровождаемый многими гвардейскими егерями, и очень искусно выбиравшій пункты; съ которыхъ императоръ смотрѣлъ на неприятельскую армію и кеторые, вождѣ вѣтъмъ, были оруженны егерями и пѣшеими уланами. Въ лѣвѣхъ мѣстахъ дѣлались, повидимому, приготовленія къ переправѣ черезъ рѣчку, хотя почти вездѣ можно было перейти ее въ бродѣ. Между двумя деревнями (Александровка и Фоминка), почти поперекъ, съѣзжало мы; поодаль, по направленію луговой долины, иногда приостанавливаясь, между тѣмъ какъ вправо отъ насъ дрались жарко, а лѣва гудѣли шумочныя выстрѣлы. Дѣло въ лѣсу, куда вступилъ Понятовскій, не было, повидимому, унерцимъ; оно ограничивалось болѣе ружейнымъ огнемъ и продолжалось часовъ до восьми; но гораздо жарче былъ бой около укрѣпленной высоты, которую мы видѣли еще изъ Валуева и которую называли Шевардинскимъ редутомъ. Здѣсь гремѣла жестокая канонада, перемежившаяся съ сильнѣйшимъ ружейнымъ огнемъ; вѣтеръ доносилъ до насъ крики; однако къ вечеру, часовъ около шести, выстрѣлы смолкли и здѣсь, д огонь поддариивался лишь порядкѣ (*).

Въ стороцѣ, не очень далеко, стоялъ Наполеонъ, обратясь спиной къ большому костру. Онъ былъ, не обмыновенію, въ своемъ сѣ-

(*) Когда, послѣ дѣла при Колоцкомъ Монастырѣ, непріятель, преслѣдуя нашу артиллерию, приближился къ боковой дорогѣ къ Валуеву, наша стражовая часть, размѣщенная въ оврагахъ и кустахъ праваго берега Балочы, открыла сильный огонь во елангъ наступавшимъ колоннамъ. Наполеонъ съ перваго взгляда убѣдился въ недоступности праваго крыла нашей позиціи, и потому приказалъ переправить черезъ Малую Малозерковскую корпуса Намуты и Монбрана и три дивизіи корпуса Даву, чтобы вытѣснить русскихъ стрѣлковъ изъ занимаемыхъ ими мѣстныхъ прикрытій и овладѣть Шевардинскимъ редутомъ. Этой атакѣ долженъ былъ содѣйствовать корпусъ Понятовскаго, двигавшійся по старой смоленской дорогѣ. Всего противъ шевардинской позиціи было направлено *болѣе тридцати пяти тысячъ* человекъ; число же нашихъ войскъ, участвовавшихъ въ бою, не превосходило *одиннадцати тысячъ*. Редутъ неоднократно переходилъ изъ рукъ въ руки, и только, когда войска Понятовскаго обошли шевардинскую позицію съ лѣваго еланга, а со стороны Балочы непріятель сталъ замѣтно усиливаться, Бутузовъ приказалъ Баграціону отойти на главную позицію. Т.

рошь сюртука и въ бывших штанахъ. Его окружали Бертъе, Сорбъе, Монтюонъ и Эбле. Дюронтъ и Красинскій ходили, поодаль, вадъ и впередъ. Многие ординарцы, въ томъ числѣ и конные, находились въ некоторомъ отдаленіи. Прискакавшій во весь опоръ адъютантъ Евгенія, сопровождаемый императорскимъ ординарцемъ, былъ встрѣченъ Бертъе и Монтюономъ и тотчасъ же отвѣдѣлъ къ Наполеону. Оба генерала приблизились къ императору въ обнаженныхъ головахъ и такъ стояли передъ нимъ. Минутъ десять спустя, адъютантъ Евгенія убѣжалъ обратно.

Вскорѣ послѣ того, какъ уюмъ огонь у Шевардинскаго редута — этой могилы богатырей — дивизія наша получила приказаніе подвигнуться впередъ и расположиться бивуакомъ влѣво позади. Такъ какъ постовъ не выставляли и не было въ виду приѣма провіанта, то многие офицеры, въ числѣ ихъ и я, отправлялись къ укрѣпленію, за которое дрались такъ усорно. Хотя въ сентябрѣ (въ концѣ августа) солнце заходитъ въ седьмомъ часу и хотя самый день былъ пасмурный, однако мы успѣли разсмотрѣть ближайшія окрестности. Укрѣпленіе образовывало неправильный пятиугольникъ, самая длинная сторона котораго, обращенная къ деревнѣ Дорониной, имѣла шаговъ шестьдесятъ въ длину, а остальные стороны отъ сорока до пятидесяти трехъ шаговъ. Въ редутѣ не было ни души; даже убитыхъ было мало; мы видѣли въ немъ только десять орудій, да еще двѣ пушки къ сторонѣ лѣса, французскія или русскія — не знаю. По дорогѣ къ редуту мы находили много труповъ, но впереди самаго верха, то есть тамъ, гдѣ атаковали французы, хотя и валялось много русскихъ кавалерійскихъ лошадей; почти до самаго рва, а еще больше французскихъ, но собственно всадниковъ было мало (*).

Ни въ одномъ изъ безчисленныхъ описаній бои у Шевардинскаго редута, читанныхъ мною впоследствии, не говорится о томъ, какъ попали сюда кавалеристы довольно крутой спускъ съ горы дѣлалъ невозможною здѣсь кавалерійскую атаку. Очень вѣроятно, что послѣ кавалерійскихъ атакъ, происходившихъ вправо отъ укрѣпленія, конница попала въ черту огня русской артиллеріи, которая и стрѣляла по всему, безъ разбора. Но направленію къ лѣсу, на самомъ склонѣ горы, лежало много тѣлъ; точно также и на восточной покатости ея.

(*) Весьма разнорѣчивы показанія о томъ, сколько обѣ стороны потеряли въ дѣлѣ при Шевардинѣ. По словамъ Вутурлина, какъ русскіе такъ и французы потеряли болѣе нежели по тысячѣ человекъ; напротивъ, Тьеръ говоритъ, что французы потеряли отъ 4,000 до 5,000, а русскіе отъ 7,000 до 8,000. Барклай-Де-Толи показалъ нашъ уронъ въ 6,000 человекъ.

Т.

Укрѣпленіе, хотя и построенное тщательно верховъ, видѣнныхъ мною 7-го сентября (26-го августа), вообще имѣло отпечатокъ недоконченности. Валъ казался, орудія вовсе не командовали подступами къ нему, или командиры ими не вполнѣ; профили были слабы; рыи вырыты неровно; амбразуръ было немного; другія орудія стрѣляли черезъ banquetъ.

На мой взглядъ, редутъ (флеш) Багратиона превышалъ этотъ пунктъ. Изъ самаго верха можно было обозрѣть наибольшую часть обѣихъ армій: не видны были только русскій лѣвый и французскій правый фланги. Выходя изъ укрѣпленія, я насчиталъ до тридцати трехъ пожаровъ. Горѣли, кажется, все деревни по той дорогѣ, по которой мы пришли. Однако и въ тылу русской арміи завивались кое-гдѣ огненные столбы. Стеннѣло, когда мы вернулись въ бивуаку. Вечеръ былъ холодный, неприятный. Яркіе костры, возвышавшіеся надъ нами почти амфитеатромъ, позволяли намъ видѣть русскую армію во всемъ ея объемѣ. На пространствѣ цѣлой мили горѣли тамъ, многими линіями, огни рядомъ и одинъ за другимъ. Наши костры, сравнительно съ русскими, казались бѣдными въ темную ночь, и даже то мѣсто, гдѣ императоръ провелъ ночь посреди своей гвардіи, не представляло исключенія.

Перечитывая, но крѣпостію слышавъ сорока лѣтъ, свои бѣглыя походныя замѣтки, припоминая все, мною тогда видѣнное, не могу измѣнить ни одного слова въ томъ, что пишу здѣсь. Мнѣ извѣстно все, писанное о походѣ Наполеона въ Россію на европейскихъ языкахъ, и я долженъ назвать наиболее точнымъ описаніе этихъ моментовъ, находящееся въ «*Examen critique*» Гурго, хотя Толь и опровергаетъ его достоверность. Что поляны вправо, въ лѣсу, не имѣли особенно жаркаго дѣла, это явствуетъ изъ показаній правдивыхъ польскихъ писателей и доказывается малымъ урономъ, нанесеннымъ имъ.

Ночь прошла спокойно на всемъ фронтѣ; только на правомъ флангѣ, гдѣ стояли поляны, раздавались періодически выстрѣлы, за которыми слѣдовалъ иногда непродолжительный застрѣльщичій огонь. Какъ почти всегда, такъ и сегодня, воздухъ охладился значительно тотчасъ послѣ солнечнаго заката; на низменныхъ мѣстахъ носился густой туманъ; повсюду висѣли росыныя капли. Холодная ночь смѣнилась сырью, но сухимъ утромъ; рѣзкій вѣтеръ, впоследствии улегшійся, рано поднялъ всѣхъ на ноги. Мы встали подъ ружье въ четыре часа; туманъ, носившійся надъ долинами между возвышенностями, закрывалъ однако все почти до восьми часовъ. Тѣмъ не менѣе, уже

съ первымъ разсвѣтомъ, мы видѣли Наполеона, пробѣжавшаго съ генераломъ Сорбе мимо нашего бивуака. За нимъ слѣдовали пѣсколько гвардейскихъ конныхъ егерей и польскихъ *chevaux-légers* безъ пикъ, нешногіе ординарцы, да и то въ порядочномъ разстояніи. Императоръ казался весьма серьезнымъ. Онъ исчезъ изъ нашего виду въ туманѣ, носившемся надъ долиною, но мы вскорѣ опять усмотрѣли его на противоположной сторонѣ, на возвышенностяхъ, выступавшихъ здѣсь какъ-бы отдѣльными островами. Въ лѣсу, справа, выстрѣлы послышались рано, то сильнѣе, то слабѣе. Часовъ въ десять посланы были на помощь французскія войска, послѣ чего русскіе прекратили атаки. Въ полдень здѣсь наступила тишина, скоро распространившаяся по всему фронту. Кажется, это время было посвящено и нашимъ, и русскими генералами тщательнымъ рекогносцировкамъ, потому что всюду появлялись офицеры и поодиночкѣ, и группами. Вниманіе мое обратило на себя обстоятельство, которое я замѣчалъ до сихъ поръ только передъ крѣпостями, но не видалъ ни на одномъ полѣ сраженія, а именно: артиллерійскіе и инженерные офицеры снимали отдѣльныя мѣстности и вымѣривали разстоянія. Большею частью, офицеры отмѣчали лишь пункты, гдѣ и откуда должно было начинать, а все остальное дѣлали сержанты названныхъ оружій. Въ десять часовъ я еще разъ осматривалъ Шевардинскій редутъ. Французскіе артиллеристы работали надъ приведеніемъ его въ оборонительное состояніе; трупы были убраны; тѣла, разбросанныя въ окрестности, уже были обнажены, за исключеніемъ тѣлъ, которыя были изувѣчены ядрами и одежда которыхъ была слишкомъ замарана кровью. Хотя артиллерійскіе офицеры, руководившіе работами, и просили насъ оставить редутъ, однако съ довольно-порядочной возвышенности можно было обозрѣть мѣстность, выбранную русскимъ главнокомандующимъ для поля битвы.

Правый флангъ, примыкавшій къ рѣдкому и лишь мѣстами густому лѣсу, не былъ видѣнъ; но, судя по дыму, поднимавшемуся изъ-за лѣса, можно было заключить о присутствіи большихъ массъ войскъ. Иногда слышались крики; ступъ топоровъ раздавался отчетливо. Изъ-за полей, къ сторонѣ Калочи, выдвигался рядъ возвышенностей, болѣе или менѣе значительныхъ, покрытыхъ земляными верками, надъ которыми еще работали. Отсюда тянулись два ряда высотъ въ небольшомъ другъ отъ друга разстояніи. Между ними выдавались особенно три группы, обозначавшія, въ довольно равномъ разстояніи одна отъ другой, лѣвый, правый фланги и центръ позиціи, которая, отъ крайняго праваго фланга до лѣса, могла имѣть

навѣрное три четверти мили. Вообще же мѣстность склонялась отъ лѣваго русскаго фланга къ правому. Рѣчка Калоча, текущая съ сѣверо-запада на юго-западъ, и уже перейденная нами въ ея нижней части, перерѣзывала на двѣ части мѣстность, зинятую арміею; на сколько можно было ее видѣть. Насупротивъ Шевардина, высокая окраина долины командуетъ берегомъ, на которомъ стояли французы; позже было наоборотъ. Время не позволяло мнѣ заняться дальнѣйшимъ обзоромъ мѣстности; я оглянулся еще разъ назадъ, гдѣ, у Валуевой, находились бивуаки гвардіи и среди ихъ императорскія палатки. Надъ оживленною картиною высилась зеленая колокольня бородинской церкви; я видѣлъ ее постоянно съ различныхъ позицій, которыя мы занимали въ продолженіе битвы.

Зная «ordre de bataille», можно было бы составить себѣ приблизительное, общее понятіе о расположеніи войскъ; но, безъ спеціального знакомства съ распредѣленіемъ полковъ, бригадъ и дивизій, нельзя было начертать въ умѣ своемъ ясный очеркъ. Повсюду видѣлись линіи, колонны, парки, а изъ какихъ войскъ они состояли, этого мы знать немогли. Въ видимыхъ, съ нашей стороны, частяхъ русскаго лагеря, тянулись взадъ и впередъ длинныя вереницы повозокъ.

На бивуакахъ господствовала необыкновенная дѣятельность. Чистили ружья, укладывали патроны, подтачивали кремни, приводили въ порядокъ парадныя вещи; во многихъ мѣстахъ укрѣплялись.

Часу въ четвертомъ, или нѣсколько позже, мнѣ было приказано отвезти письмо къ начальнику штаба арміи, генералу Монтиону. Такъ какъ мнѣ не сказали, гдѣ я могу найти его, то я направился прямо на группу императорскихъ палатокъ, гдѣ меня встрѣтилъ и проводилъ, куда слѣдовало, гвардейскій офицеръ, съ которымъ мы участвовали въ осадѣ Сарагосы. Письмо мое принялъ и записалъ во входящій журналъ дежурный офицеръ въ «отдѣленіи движенія войскъ» (bureau du détail du mouvement des troupes). На возвратномъ пути, я встрѣтился съ капитаномъ Десексомъ, бывшимъ адъютантомъ маршала Сюше, а теперь императорскимъ ординарцемъ. Знакомый мнѣ еще съ испанской войны, онъ повелъ меня къ палаткѣ Наполеона; впереди ея, на одной сторонѣ, выставленъ былъ портретъ юнаго короля римскаго, какъ-то рассказываетъ и Сегюръ, впрочемъ нѣсколько иначе. Мнѣ передали, что императоръ, окруженный своими адъютантами и многими гренадерами старой гвардіи, долго смотрѣлъ на портретъ съ восхищеніемъ. И въ эту минуту около портрета толпились группы. Старые усачи, не одну сотню разъ

видящіе маюють, высказывали дряннаго рода замѣчанія. «Будемъ надеяться, что онъ подойдет по сѣдланію седла», сказалъ одинъ старикъ—сержантъ. «А повѣстеть пожелаемъ ему усовѣ», возразилъ другой, намекая, конечно, отъицъ, что ждалъ бы видѣть мальчика постарше. Известныя слова Наполеона: «retirez le, il voit trop bonne l'entree au champ de bataille» (*унесите его, ему еще слишкомъ рано видѣть поле сраженія*) переходили изъ устъ въ уста, и только ужасающія сны наступающаго дня могли взглянуть военноминданаю объ этой сценѣ... Помните, что снѣкъ Наполеона былъ изобретенъ сидящимъ въ колебелѣ и играющимъ съ мячикомъ.

Вниманіе мое обратилъ на себя одинъ штабъ-офицеръ нѣмецкой арміи, адъютантъ маршала Мармона. Это былъ, какъ мнѣ казался Дессекъ, подполковникъ Фавье, прибывшій изъ Саламанки въ извѣстію о проигранномъ сраженіи. Извѣстіе оставалось въ такой тайнѣ, что весьма многіе, даже генералы, узнали о немъ лишь по возвращеніи въ Германію и во Францію.

Въ лагерѣ, по прежнему, кипѣла работа. Вечеромъ, на перекладкѣ, происходила самый подробный осмотръ оружія, одежды и обуви. Нельзя было не любоваться превосходнымъ состояніемъ вещей, какъ доказательствомъ полной заботливости и офицеровъ, и солдатъ. Люди имѣли здоровый видъ, хотя роты очень и очень уменьшились въ своемъ составѣ. Если вспомнить, что солдаты, вмѣсто хлѣба, ѣли пареную рожь, что плохое мясо ели изнуреннаго скота или отъ застрѣленныхъ лошадей часто бывало, безъ соли, единственнымъ кумаемъ, что маршею ощущался недостатокъ даже въ водѣ, то, право, надобно было удивляться, что все и воѣ оставалось въ такомъ видѣ, въ какомъ найдены при осмотрѣ.

Сырая ночь, съ небольшимъ дождемъ, увеличивала непріятность нашего положенія. Расположившись вокругъ огня, мы толковали о прошломъ и о будущемъ до тѣхъ поръ, пока не заснули отъ утомленія; но дождь, возобновившійся съ полуночи, подымалъ многіе съ влажной земли. Въ это же время полки получали невѣстный приказъ Наполеона. Въ ходогахъ объ объявленіи приказа пришла почти до трехъ часовъ. Собранные фельдфебели писали приказъ поддиктовану при свѣтѣ костровъ, чтобы прочесть его въ ротахъ утромъ. Позади нашего лагеря долго дымались, направляясь къ правому флангу, кавалерійскіе подли, французскіе, нѣмецкіе и польскіе. Въ адъютантъ полку, приятный, звучный голосъ пѣлъ Шпаллерову пѣсню всадника; порядочный, хотя и слабый, хоръ вторилъ припѣвъ нѣсладней строфы:

«Aus der Welt die Freiheit verschwunden ist,

Man sieht nur Herren und Knechte» (*),

доносился до насъ въ ту самую минуту, когда кавалереты проходили мимо нашего полка. Я приказалъ спросить, какия это были войска. «Пруссаки»!.. отвѣчали мнѣ.

У бивуачныхъ костровъ повсюду видѣлись темныя фигуры, бродившія неустанно взадъ и впередъ. Для многихъ и многихъ тысячъ это была, конечно, послѣдняя ночь, проведенная на землѣ въ житейскихъ заботахъ. И сколь многіе, по честолюбію посвятившіе себя кровавому ремеслу, съ горечью обзрѣвали теперь мысленно свое поприще, принесшее имъ такъ много лишеній и трудовъ и такъ мало плодовъ!.. Въ эти минуты, вѣдь ими раскрывалась книга случайностей и невольно заставляла бояться насмѣшекъ судьбы...

Ни барабанный бой, ни звуки трубы, никакой боевой кличъ не созывали воинновъ подъ знамена...

Нѣсколько картофелинъ, впервые найденныхъ нами здѣсь послѣ долгаго промежутка и испеченныхъ въ золѣ едва тлѣвшаго огня, составили нашъ завтракъ. Наполеонъ проѣхалъ мимо насъ еще въ темнотѣ. Съ первымъ разсвѣтомъ все стояло подъ ружьемъ. Вправо за нами, позади Шевардинскаго редута, расположилась старая гвардія въ парадной формѣ; красныя султаны и эполеты тянулись по полю, будто кровавая полоса... Императора мы видѣли наверху, въ редутѣ.

Я вовсе не имѣю въ виду представлять здѣсь точное описаніе послѣдовавшей битвы: я могу только начертить общее направленіе боя, указать на характеръ его. Припоминаю извѣстный отзывъ Веллингтона о сраженіи при Ватерлоо: «ни бала, ни сраженія описать невозможно».

Впереди насъ раздалось нѣсколько выстрѣловъ; правѣе, въ лѣсу, бой былъ жарче. Часовъ около семи, сраженіе разыгралось вполнѣ. Со всѣхъ сторонъ гремѣла канонада. Но несмотря на то, что мы стояли очень близко отъ свалки, что около насъ, и даже чрезъ наши головы, летали ядра, нельзя было видѣть ничего. Раненые, проходившіе мимо, рассказывали объ отнятій редута, впереди насъ, о раненіи генераловъ Кошиана, Десекса и маршала Даву. По временамъ, мы слышали крикъ «en avant»; ура русскихъ доносилось къ намъ вѣтромъ, а самаго сраженія не видали. Вскорѣ послѣ девяти часовъ раздалась команда, и мы двинулись въ баталіонныхъ коло-

(*) „На свѣтѣ нѣтъ болѣе свободы: остались только господа да рабы“.

Намекъ на желѣзный бонапартовскій деспотизмъ, давившій западную Европу.

нахъ въ двѣ линіи; но едва оставили позади себя Шевардинскій редутъ шагахъ въ 1,000—1,200 и вступили въ небольшую ложину, послышалось: «стой!» Ядра дожились на возвышенности впереди насъ и перелетали чрезъ насъ. Генералъ Хлопицкій выѣхалъ впередъ, осмотрѣлъ позицію русскихъ, а генералъ Кларендъ приблизился къ баталіонамъ, вызвалъ офицеровъ, напомнилъ имъ о славѣ полка и направился къ гренадерской ротѣ перваго полка, гдѣ пробылъ долго. Шамбрэ объясняетъ нашу остановку здѣсь тѣмъ обстоятельствомъ, что императоръ, вмѣсто нашей дивизіи, послалъ дивизію Фриана на подкрѣпленіе Нея, просившаго о помощи убѣдительно. Бой свирѣпствовалъ. Вправо отъ насъ, мы видѣли цѣлыя толпы раненыхъ; казалось, что бой въ лѣсу то отдалялся отъ насъ, то приближался къ намъ. Снаряды падали впереди и позади насъ, и хотя мы слышали непрерывное жужжаніе ядеръ, однако не потеряли еще ни одного человека. Этимъ мы были обязаны предусмотрительности нашего генерала: онъ расположилъ насъ такъ, что мы могли быстро двинуться, если бы то понадобилось, во всѣ стороны, но были укрыты отъ безполезнаго урона.

Часовъ въ десять присвакалъ императорскій ординарецъ. Мы тотчасъ же взяли за ружья и двинулись въ томъ направленіи, въ которомъ стояли, сдѣлавъ надѣво—кругомъ. Такимъ образомъ, мы пересѣкли порядочную часть поля сраженія, слѣдуя по дугу, по которому бѣжалъ небольшой ручей. Вправо отъ насъ кипѣлъ бой; влѣво стояли данные ряды кавалеріи, въ которой непріятельскій огонь производилъ жестокія опустошенія. И мы потеряли нѣсколькихъ людей, потому что ядра падали, по временамъ, въ колонны. Достигнувъ склона возвышенности, мы продолжали наше движеніе, итѣя по правую руку ручей—кажется, Каменку—вступили затѣмъ въ болѣе широкую луговую долину—вѣроятно семеновскія поля—и тутъ остановились. Съ позиціи, выбранной нашимъ генераломъ, нельзя было видѣть ничего; но со всѣхъ сторонъ гремѣлъ огонь ружейный и артиллерійскій, и на пути сюда попадалось намъ множество убитыхъ и раненыхъ, въ особенности же много убитыхъ и изувѣченныхъ лошадей. Впереди насъ, въ недалекомъ разстояніи, долженъ былъ свирѣпствовать ужасный бой, потому что мимо насъ, вполне закрытыхъ мѣстностію, ѣхали и тащились цѣлыя вереницы раненыхъ. Надъ полемъ высилась бородинская колокольня; на зеленомъ куполѣ ея ярко играло солнце... Не знаю въ которомъ именно часу увидѣли мы на горѣ, по ту сторону деревни, массы кавалеріи, и слышали также пушечные и ружейные выстрѣлы. Солнце стояло высоко, когда все это

прекратилось. То была знаменитая кавалерійская атака Уварова, какъ извѣстно, неудавшаяся (*). Въ это время подѣхалъ къ намъ медленно, съ праваго фланга, капитанъ Десекъ и сказалъ: «Je viens de la droite; votre prince Poniatowski ne marche pas; l'affaire y est stationnée depuis quelques heures; l'empereur en est très peu satisfait; nos pertes sont partout énormes; les Russes se battent comme les enragés». («Я съ праваго фланга; вашъ князь Понятовскій не трогается; дѣло приѣстановилось тамъ уже нѣсколько часовъ; императоръ очень недоволенъ этимъ; наши потери вездѣ громадны; русскіе дерутся какъ изступленные»).

Часа въ два, можетъ быть и нѣсколько позже, мы получили приказаніе слѣдовать далѣе, перешли ручей, полагаю Семеновскій, на такомъ мѣстѣ, которое сильно было взрыто кавалеріей, и, поднявшись на лежавшую насупротивъ гору, увидѣли передъ собою густыя облака пыли. Въ тотъ же моментъ воздухъ потрясся отъ оглушительнаго крика, сопровождаемаго жестокою канонадою. Ядра летали надъ нами и черезъ колонны. Когда пыль поулеглась, мы замѣтили, что французы овладѣли большимъ редутомъ (батареей) Раевского, и что кавалерія, далеко впереди этого укрѣпленія, рубилась и перестрѣливалась съ русскими. Намъ велѣно было построиться передъ самымъ редутомъ. Судя по моимъ соображеніямъ, мы составляли родъ резерва атакующей колонны, но стояли не позади ея, а въ сторонѣ, справа.

Нѣтъ возможности передать словами зрѣлище, которое являлъ редутъ (батарея) Раевского. Все, что только воображеніе можетъ представить себѣ ужасающаго, далеко уступало тому, что здѣсь было. Люди, лошади, живые, изувѣченные, убитые, наваленные другъ на друга въ шесть, въ восемь рядовъ, далеко и широко покрывали до-

(*) Атака генерала Уварова была произведена на лѣвое крыло неприятельской арміи, съ цѣлю оттянуть силы французовъ отъ атакъ на нашу вторую армію. Уваровъ, съ первымъ кавалерійскимъ корпусомъ, въ составѣ 28 эскадроновъ, съ 12 конными орудіями, перешелъ, въ двѣнадцатомъ часу, въ бродъ черезъ Калочу, близъ селенія Малаго, и направился къ Войнѣ, которой достигъ около полудня, въ то время, когда батарея Раевского уже была отбита Ермоловымъ. Весь успѣхъ атаки ограничился отступленіемъ французовъ за Войну, потому что Уваровъ не могъ перейти, съ одною кавалеріей, чрезъ плотину, въ виду значительныхъ неприятельскихъ силъ, стоявшихъ на правой сторонѣ Войны; нападеніе на Бородино, занятое неприятельскою пѣхотою, также не обѣщало успѣха. Но атака была полезна въ томъ отношеніи, что заставила Наполеона потерять въ бездѣйствіи два часа, въ продолженіе которыхъ мы успѣли усилить нашъ центръ войсками съ праваго крыла и изъ резерва, и занять промежутокъ, образовавшійся между батареями Раевского и Семеновскимъ. (Богдановичъ, „Исторія отечественной войны 1812 года“, II, 206—209).

ступилъ къ реду, наполнил собою ры... Въ такомъ же видѣ представлялась и внутренность верка. Когда еще мы направлялись сюда, пронесли мимо насъ, на бѣломъ кирасирскомъ плащѣ, покрытомъ большими кровавыми пятнами, генерала Колокура, смертельно раненаго при атакѣ на редутъ, именно внутри его. Въ укрѣпленіи было двадцать одно 12-фунтовое орудіе. У одного изъ нихъ, на брустверѣ, стоялъ, прислонясь, пежилой штабъ-офицеръ съ зияющимъ на головѣ раномъ; большинство убитыхъ на фронтѣ были пѣхотинцы; по правую сторону и въ самомъ редутѣ лежали кирасиры въ бѣлыхъ и въ синихъ мундирахъ, самсонскіе *gardes du corps*, прускіе кирасиры Цастрова и кирасиры 5-го, и, если не ошибаюсь, 8-го полковъ; еще дальше вправо—поляки и вестфальцы (*). Такъ какъ поляки не могли скоро перебраться чрезъ Семеновскій ручей, то перешли его поэскадронно и по-одиночкѣ. Въ полку было только четыре эскадрона. Ротмистръ Яблонскій, отыскавъ удобное для переправы мѣсто, быстро выстроилъ эскадронъ и бросился впередъ: онъ палъ подъ ударами русскихъ, прежде чѣмъ подошли прочіе эскадроны.

Со взятіемъ редута, страшный огонь сталъ здѣсь постепенно ослабѣвать, какъ будто борьба утомила противниковъ; вправо и влѣво отъ укрѣпленія дрались кавалерія; здѣсь и тамъ боролись отдѣльные батальоны пѣхоты. Спустя нѣсколько времени, наша кавалерія отступила и къ редуту опять приближалась русская пѣхота, ничего, впрочемъ, не предпринимая. Пространство же между взятыми редутами, Раевского и Баграціона, стало наполняться пѣхотою, артиллеріей и кавалеріей; съ нашей стороны выдвинули большую батарею, для которой генералъ, со всѣхъ сторонъ подвозилъ орудія, и весьма скоро открылась, съ обѣихъ сторонъ, сильнѣйшая канонада. Неожиданное количество снарядовъ была направлена преимущественно на редутъ Раевского. Мы просто были засыпаны ядрами и гранатами, и нашъ уронъ въ первые моменты, оказался весьма чувствительнымъ. Валъ почти рассыпался подъ массою снарядовъ; брустверъ, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, былъ разбитъ; и живые и мертвые были поражаемы въ одинаковой мѣрѣ; кровь однихъ и оторванные члены другихъ свидѣтельствовали

(*) Даже въ иностранныхъ описаніяхъ войны 1812 года не скрываютъ, что русская пѣхота, занимавшая батарею Раевского, оборонялась отчаянно. Французскіе историки сравниваютъ атакованное укрѣпленіе со стальной массою, сверкавшею щетиною. Начальствовавшій защитниками его, генералъ Лихачевъ, сидѣлъ, по призыву болѣзни, въ углу укрѣпленія на походномъ стулѣ и возбуждалъ слабымъ голосомъ своихъ подчиненныхъ къ геройскимъ подвигамъ. Когда исчезла послѣдняя надежда отстоять батарею, Лихачевъ бросился въ толпу неприятелей, что бы погибнуть вмѣстѣ съ потерявшею батарею, получилъ нѣсколько ранъ штыками, былъ поваленъ на землю и уцѣлѣлъ только потому, что, въ моментъ смертельнаго удара, готового поразить храброго, неприятели узнали въ немъ генерала. Т.

краснорѣчиво о жестокости огня. Наконецъ, людямъ привязано было прицѣль, но офицеры, разумѣется, стояли, чтобы, какъ выравнялся капитанъ Реховичъ, «d'attendre la mort debout» («ожидать смерти стоя»). Едва выговорилъ онъ эти слова, какъ на насъ брызнула кровь и мозгъ одного гренадера, который приподнялся помочь товарищу и которому, въ то же мгновеніе, ядромъ оторвало голову. Во весь походъ носилъ я эти пятна на своемъ мундирѣ, и лишь только мундиръ запыливался, то мѣсто, гдѣ былъ мозгъ, выступало въ видѣ салютаго пятна, будто *placet* *morti*.... Французскія батареи, некрое обозначенныя на всѣхъ видѣнныхъ мною планахъ сраженія, доставали почти до самаго редута Раевского. Юнца ихъ нельзя было видѣть. Ближайшая къ намъ батарея потеряла всѣхъ старшихъ офицеровъ; ею командовалъ молоденькій офицеръ и, повидимому, былъ въ полномъ отъ того восторгѣ.

Замѣчательно, что на темъ пространствѣ, которое охватывалъ мой глазъ, не было ни одного подбитаго орудія, тогда какъ оказалось весьма много раненыхъ и убитыхъ канонировъ. Впереди насъ находились большія массы пѣхоты и конницы. Онѣ двигались то туда, то сюда, наступали и отступали, и надобно полагать, что энергическое наступленіе ихъ останавливалось предъ сильными и мѣткими артиллерійскими огнемъ непріятеля. Наконецъ эти войска исчезли. На сколько я могъ видѣть, ни съ русской, ни съ французской стороны не произведлось атакъ, да и нигдѣ, впереди насъ, не видно было войсковъ: всѣ укрѣпилось въ лошинахъ отъ опустошительнаго дѣйствія артилеріи и занимались восстановленіемъ своего тактическаго строя, чтобы притѣвѣться въ новой борьбѣ. Одна артилерія образовывала необозримую линію и, мѣстами, стояла безъ прикрытія.

У эполемента верка собралось мало по малу много генераловъ, наблюдавшихъ за движеніями русскихъ. Говорятъ, что и Наполеонъ пробылъ тутъ въ некоторое время съ Бертье и съ Бессьеромъ, но я не вижу его: Маратъ и вице-король находились въ числѣ присутствовавшихъ. Снаряды летали вкругъ ихъ, но какъ будто шадли группу этихъ доблестныхъ военачальниковъ. Атмосфера постепенно темнѣла; огонь съ обѣихъ сторонъ ослабѣвалъ, даже умолкалъ иногда, и только кое-гдѣ слышались ружейная перестрѣлка, сопровождаемая слабою канонадою. Но съ наступленіемъ сумерекъ, русскіе опять приближились къ редуту и заняли Горлицій оврагъ. Нашей дивизіи было приказано вытѣснить ихъ оттуда. Мы обогнули справа укрѣпленіе, взяли съ собою двѣ реты волтижеровъ и двинулись за ними въ лошинахъ. Передніе части уже отырыли живой ружейный огонь, когда

задніе баталіоны еще двигались. «Ради Бога, сомкните колонны!» закричалъ мнѣ полковой командиръ. Я приостановился. Въ эту минуту я увидѣлъ одного капитана, возвращавшагося изъ только-что начатаго дѣла. — «Вы ранены?» спросилъ я его. — «Нѣтъ, я иду за моею женою», отвѣчалъ онъ. Зная, что жена его, испанка, жила у своихъ родныхъ на польской границѣ, я недоумѣвалъ что мнѣ слѣдовало заключить изъ отвѣта капитана. Уже впоследствии узналъ я, что пуля пробила ему киверъ, ударила въ лобъ и онъ мгновенно помѣшался, и притомъ въ такой степени, что нашлись вынужденными связать страдальца. Крики его раздавались далеко по всему лагерю. Не знаю какъ и когда этотъ офицеръ былъ взятъ въ плѣнъ русскими, прожилъ въ Саратовѣ до 1816 года, вылечился совершенно и возвратился во Францію по заключеніи мира. Онъ до сихъ поръ здравствуетъ, поселился, въ качествѣ прусскаго пенсіонера, въ Островѣ (въ Познанской провинціи), имѣеть много дѣтей и изъ всей печальной своей исторіи знаетъ только то, что былъ раненъ и попался въ плѣнъ.

Въ жаркомъ дѣлѣ пѣхоты, продолжавшемся, полагаю, не болѣе-получаса, было убито и ранено много офицеровъ и солдатъ. Когда русскіе отступили, мы заняли почти ту самую позицію, гдѣ происходили послѣднія дѣла. Здѣсь намъ приказано было расположиться и выставить форпосты, для чего были употреблены четыре роты, размѣщенные генераломъ Хлопицкимъ. Онѣ упирались слѣва въ ручей, вѣроятно Стонецъ, загнувъ нѣсколько лѣвый флангъ назадъ; справа, роты достигали на большую дистанцію за черту редута, но также загнувъ свой флангъ. Не помню, чтобы гдѣ-нибудь мы входили въ связь съ ближайшими постами; лишь изрѣдка появлялись патрули, и форпостная служба была отправляема очень небрежно.

Нашъ бивуакъ находился среди умирающихъ и убитыхъ: ни дровъ, ни воды мы не имѣли, но въ продовольствіи не нуждались: ранцы русскихъ солдатъ были наполнены сухарями, даже крупю и водкою въ манеркахъ. Наши солдаты подмѣтили это заранѣе и немедленно приступили къ раздѣлу наслѣдства. Для разведенія огня, употреблены были ружейные приклады. Той же участи подверглись раздробленные зарядные ящики и лафеты; такимъ образомъ зажглись у насъ костры, правда небольшие, но достаточные для того, чтобы поджарить конину и сварить супъ. Воду брали изъ Калочи. Едва разгорѣлись костры, какъ изъ всѣхъ угловъ поползлись и поползли къ нимъ раненые—одни для того, чтобы умереть, другіе отогрѣть ожоченные члены. Набралось несчастныхъ почти столько же, сколько

было насъ. Солдаты наши сѣшили помочь раненымъ; тѣмъ могли; врачи усердно перевязывали ихъ; но скоро вокругъ насъ образовались цѣлыя ряды умирающихъ и умершихъ: первые смотрѣли неподвижными глазами на огонь, какъ будто просили у него подкрѣпленія и силы; вторыхъ бережно относили въ сторону, какъ будто не хотѣли срвожить ихъ вѣчнаго сна...

По нѣскольку ротъ отъ каждаго полка стояли подъ ружьемъ. Я ходилъ рундомъ, когда услышалъ свою фамилию, произнесенную громко. Это былъ голосъ генерала Хлолицваго. — «Идемъ—те смотреть форпосты; вы должны принять надъ ними команду; самъ я буду по близости». Мы обошли посты, стоявшіе на показанныхъ мѣстахъ. Все было тихо; на русской сторонѣ горѣли огни, но не слишкомъ яркіе; не доносилось оттуда никакого звука; по временамъ раздавался только топотъ кавалерійскихъ патрулей и тихое «кто идетъ!» Такъ было въ десять часовъ; такъ было и въ полночь. Часа въ два на форпостахъ услышали сильный конскій топотъ, и мы тотчасъ же стали въ ружье. Вслѣдъ за тѣмъ казаки произвели нападеніе; но, встрѣченные живымъ огнемъ, повернули назадъ. Послѣ этого наступила мертвая тишина; не видать ни, точнѣе, не слышать было даже патрулей, и потому я выслалъ впередъ нѣсколько сильныхъ патрулей. Хотя они находились въ отсутствіи довольно долго, однако не раздавалось ни одного выстрѣла. Въ три часа патрули воротились. Они достигали до русскаго кавалерійскаго бивуака, который наши пустыи, и принесли оттуда три мѣшка овса. Я немедленно доложилъ генералу Хлолицкому, что русскіе исчезли. При свѣтѣ восскаго огарка, который каждый ротный командиръ обязанъ былъ имѣть при себѣ вмѣстѣ съ огнивомъ, написано было донесеніе объ этомъ и послано съ адъютантомъ генерала въ главную квартиру гвардіи.

Мы оставались на мѣстѣ до полнаго разсвѣта. Въ это время, стали, со всѣхъ сторонъ, собираться войска и выстраиваться впереди насъ, справа и слева отъ насъ. Недолго спустя, послышались вдали пушечные выстрѣлы. Было сырое, холодное утро. Часовъ въ десять подѣхалъ Наполеонъ, блѣдный и мрачный; онъ остановился передъ нашею позиціей, вызвалъ изъ своей свиты офицера, переговаривалъ съ нимъ, послѣ чего офицеръ, сопровождаемый нѣсколькими конными егерями изъ императорскаго конвоя, двинулся по направленію къ большому редуту. Приблизившись къ четырехугольнику, конные егеря размѣстились по угламъ его, а офицеръ сталъ считать убитыхъ въ ограниченномъ пространствѣ. Такъ дѣлалъ онъ на многихъ мѣстахъ. Мнѣ сказывали, что этимъ спосо-

боясь опредѣляя общиною среднее число убитыхъ на отдѣльныхъ пушкахъ. Наша дивизія потеряла, сравнительно, немного, хотя и находилась вѣселою часою сразу подъ сильными огнями: много двѣсти съ небольшимъ человекъ, изъ которыхъ добрая треть, пала на кратковременный бой пѣхоты въ Горницкомъ оврагѣ. Сначала мы служили резервомъ корпусу Ней, потомъ 4-му корпусу. При атакѣ на редутъ, мы образовывали родъ эшелона на правую флангъ; позже заняли мы редутъ, вечеромъ вытѣснили русскихъ изъ Горницкаго оврага и заняли нашими постами мѣстность впереди его и около редута. Отсюда ясно, что Шамбра показываетъ вѣрно только первое наше движеніе; о продолженіи же его онъ не знаетъ. Пренебрегая съ самаго начала ставящъ насъ вовсе не на ту позицію. Толь снѣживаетъ насъ съ дивизіей Роге, молодой гвардіей; Тьеръ обобщаетъ правильно только первый моментъ движенія дивизіи, а потомъ свѣтѣтъ терять насъ изъ виду. Если же Михайловскій-Данилевскій говорить, что русскіе вновь заняли редутъ, то это чистая фантазія (*).

Наполовнѣ престоимъ впереди насъ наѣрное три четверти часа. Иногда онъ смотрѣлъ въ подзорную трубу по направленію къ Можайску. Изъ тѣхъ пѣхотныхъ, которыхъ, впрочемъ въ небольшомъ числѣ, проводилъ мимо его, и которые имѣли болѣе видъ извурчанныхъ и отсталыхъ, онъ подымалъ многихъ къ себѣ; и расширяемъ къ нашему корпусу они принадлежали; вѣднѣ-ли уронъ въ ихъ полкахъ. Новомъ онъ убѣдилъ, надето къ Семеновской высотѣ. Мы составили ружая; но никто не думалъ удалиться со своего поста. Это помѣшало намъ обозрѣть въ подробности нѣкоторыя мѣста поля сраженія, в погону; я могъ сохранить лишь общія впечатлѣнія битвы.

Мы слѣдовали за кавалеріей поздно, часа въ три, и на маршѣ выдвинулись нѣсколько впередъ, потому что остановивъ близъ сменнутаго. Кавалерійскія дѣла подъ Можайскомъ принимали иногда упорный характеръ, но подъ конецъ русскіе превратили бой. Былъ восьмой часъ, когда мы, за нѣсколько верстъ отъ Можайска, расположились bivouакомъ. Живѣ насъ находилась городъ, занятый русскими; впереди возвышалась крутая гора, Красная Гора (по цвѣту глинны); на высотѣхъ за городомъ видѣлся русскій лагерь. Вечеромъ прибыли въ нашъ лагерь польскіе уланы (13-го польскаго полка) отъ мѣста расположенія 5-го корпуса. Они рассказывали, что, наканунѣ вечеромъ, послѣ удачной атаки на казаковъ, проникли до Можайска

(*). Данилевскій говоритъ только о томъ, что батарея Гессекаго, послѣ пераваго овладѣнія, ея, французами, была отбита Ермоловымъ, и задана нашими войсками. Этотъ фактъ неоспоримъ.

и находились въ самомъ тылу русской арміи. Это подтверждается нѣкоторыми польскими историками. При атакѣ присутствовалъ генералъ Соботіани и, слѣдуя по кѣтамъ за казаками, нашелъ переходъ, который трудно было бы отыскать въ лѣсистой мѣстности. Уланъ увѣряли, будто произвели въ Можайскѣ большую тревогу. Гичковичъ прибавляетъ, что это случилось въ тотъ самый моментъ, когда польскія дивизія Ирасинскаго и Инязевича, со своею артилеріей, атаковали русскихъ повмелонно съ фронта и отбросили ихъ. Польскіе гусары, подъ начальствомъ генерала Тулинскаго—разсказываетъ адъютантъ генерала Фишера—должны были произвести рекогносцировку на Можайску, между 3—4 часами. Пробравшись чрезъ кустарникъ, они выѣхали на ровное мѣсто, покрытое русскими ранеными, отсталыми, зарядными ящиками, повозками. Тулинскій захватилъ что было подъ рукою и остановился, потому что не имѣлъ приказанія идти дальше. Подъи взяли въ плѣнъ до двухъ тысячъ челоуѣкъ, бодѣ нестелъ вся французская армія. Толь, повициному, подтверждаетъ это обстоятельство, говоря (II, стр. 107), что поляки пытались обойти русскихъ съ лѣваго фланга, но тѣмъ какъ они имѣли одну конницу, то, по причинѣ лѣсистой мѣстности, попытка ихъ не удалась. Въ нашемъ же лагерѣ господствовало мнѣніе, что если бы Наполеонъ подорѣпидъ Можайскаго хотя одною дивизіей и возобновилъ единово въ движеніи съ этой стороны, то его правый флангъ навѣрное достигъ бы Можайска еще до наступленія темноты. Что было бы тогда съ русскою арміей, опредѣлить трудно; по крайней мѣрѣ, вся ея матеріальная часть досталась бы французамъ. Что походъ наплани былъ бы иной, этого утверждать нельзя; но самое сраженіе сложилось бы иначе: мы погнади бы передъ собою русскихъ «тадебомг батталъ» и вступили бы въ Москву подъ выслалѣніемъ полной побѣды.

9-го сентября (28-го августа), раннимъ утромъ, началась канонада, кончившаяся только вечеромъ, довольно поудр. Мы толтасъ же стали въ ружье. Вѣдво отъ насъ слышался ружейный оупнъ. Въ десять часовъ мы прошли чрезъ одну часть Можайска, переполненнаго ранеными (*), и когда поднялись на возвышенность, на которой почевали русскіе, то увидѣли предъ собою большія массы непріятельской кавалеріи, имѣвшія при себѣ значительную артилерію. Отъ

(*). Въ Можайскѣ было оставлено нами до десяти тысячъ раненыхъ, по неимѣнію повозокъ для ихъ перевозки. Занявъ Можайскъ, непріятель, выбрасывая русскихъ изъ домовъ на улицы, чтобы очистить мѣсто своимъ раненымъ и больными, которыми были завалены не только городъ, но Колоцкий Монастырь, Гридново и всѣ окрестныя деревни,

крылась живая канонада и произведены были многія кавалерійскія атаки, въ которыхъ французы одержали верхъ. Мы расположились въ одиннадцати верстахъ за Можайскомъ. День былъ пасмурный; по временамъ шелъ дождь. Нашъ бивуакъ находился на обширной равнинѣ, на которой замѣтны были почти только кавалерія да артилерія. Въ наступившую холодную ночь, мы, къ нашему счастью, имѣли еще въ запасѣ сухари и водку, добытыя, на полѣ'сраженія, съ убитыхъ русскихъ солдатъ; иначе, мы остались бы безъ всякаго продовольствія. Утромъ, все покрылось инеемъ; люди же думали, что подморозило.

10-го (29-го августа), поднявшись въ девять часовъ, мы едва прошли версту, какъ возобновилась канонада, и притомъ съ большою силою, нежели наканунѣ. Вскорѣ послышались и ружейные выстрѣлы; они послужили намъ доказательствомъ, что въ авангардѣ, кромѣ насъ, была еще другая пѣхота. Хотя завязавшееся дѣло прекратилось скоро, однако, спустя короткое время, столкновение повторилось, и мы подвигались впередъ медленно, не зная что происходило впереди и вокругъ насъ. Въ полудню канонада усилилась; съ нѣкоторыхъ пунктовъ виднѣлись линіи многочисленной кавалеріи. Во второмъ часу насъ передвинули влѣво отъ дороги и мы слѣдовали по гребню высотъ, ее окоймлявшихъ. Вправо отъ насъ, но довольно далеко, стояли колонны пѣхоты; по лѣвую сторону ихъ кавалерія въ линіяхъ и колоннахъ; впереди сильная артилерія. Кажется, мы образовывали крайній лѣвый флангъ; передъ нами лежалъ густой береговой кустарникъ, тянувшійся до покатости горы, у подшвы которой проходила дорога. Вдали, на ровнемъ мѣстѣ, мелькала деревня, вѣроятно Крымское. Мы находились, можетъ быть, на разстояніи пушечнаго выстрѣла отъ лѣска, когда по правую нашу руку загорѣлось жаркое дѣло. Французская кавалерія была опрокинута; нѣкоторыя пѣхотныя колонны и каре были, въ буквальномъ смыслѣ, смяты русскою конницею; однако французская кавалерія, стоявшая въ резервѣ, поспѣшила на помощь, отбросила русскихъ, смяла, въ свою очередь, ихъ пѣхоту, отчасти бросившуюся на землю, и преслѣдовала противника до его артилеріи.

Въ то самое время, когда мы слѣдили за этимъ боемъ, на насъ посыпались выстрѣлы изъ вышеупомянутаго березоваго кустарника. Немедленно послано было нѣсколько ротъ вольтижеровъ для выбитія непріятеля, но онѣ были встрѣчены такъ дружно, что отступили въ беспорядкѣ. Генераль Хлопицкій вышелъ изъ себя, приказалъ вольтижерамъ повторить атаку, однако и вторичная атака кончилась

тѣмъ же. Яѣсокъ былъ занятъ сильно и противникъ превосходно пользоуался мѣстностію. Во время атаки, наши пожали: вода пере-крестный огонь. При всемъ томъ, можно было замѣтить, что пози-ція русскихъ не могла быть слишкомъ велика. Полагаю, что если бы мы маскировали фронтъ нѣсколькими баталіонами, а съ другими обратились больше противъ праваго фланга русскихъ, то вытѣснили бы ихъ безъ особеннаго урона. Но Хлопицкій, раздражен-ный отступленіемъ вольгтерровъ, сталъ въ главѣ втораго баталіона перваго полка, приказалъ слѣдовать за нимъ (en échelon) второму полку и бросился впередъ. Сначала, казалось, этотъ энергическій ма-невръ слутилъ непріятеля, судя по тому, что онъ стрѣлялъ рѣже: но когда мы подошли къ опушкѣ шаговъ на сто, то были встрѣче-ны такимъ дружнымъ, такимъ мѣткимъ огнемъ, что повели весьма чувствительный уронъ. Мы пронигли, однако, въ мѣсоть, который русскіе оставили безъ большаго сопротивленія. Между ранеными ока-залось много офицеровъ; въ числѣ ихъ генералъ Хлопицкій (ему раз-дробило ногу) и его адъютантъ. Всего мы потеряли убитыми и ра-ненными до ста человекъ; но легко-раненые послѣдовали за полкомъ, зная, по видѣннымъ примѣрамъ, что для отсталыхъ не было спасе-нія. Такъ плелись за нами человекъ тридцать, изъ которыхъ нѣкоторые умерли, прежде чѣмъ мы дошли до Москвы. Помню отвѣтъ мнѣ од-ного гренадера, когда я совѣтывалъ ему остаться гдѣ-нибудь въ ла-заретѣ. «Нѣтъ», сказалъ онъ, «въ полку я, можетъ быть, еще уцѣ-лѣю, а если умру, то товарищи похоронятъ; въ лазаретѣ же умру непохороненнымъ, или, при перевозкѣ, меня бросятъ на дорогѣ и тамъ сожрутъ меня волки». Такое мнѣніе было почти всеобщее.

Русскіе раненые были 40-го и 38-го егерскихъ полковъ, не-многіе 33-го. Дѣло по всей линіи отличалось большою горячестію и продолжалось до пяти часовъ. Рана генерала повергла людей въ уныніе. Правда, Хлопицкаго не долбилывали за строгость, но его ува-жали за храбрость, за знаніе своего дѣла; онъ умѣлъ энергически го-ворить съ солдатами, былъ невозмутимо-хладнокровенъ въ огнѣ, не дорожилъ собою. «Что съ нами будетъ?» разсуждали солдаты; «онъ вы-велъ насъ изъ Испаніи, а кто выведетъ насъ изъ Россіи?» Проѣзжая, вечеромъ, мимо роты, которою я прежде командовалъ, я остановился на минуту поговорить съ людьми. — «Ну, что ты думаешь о равѣ генерала?» спросилъ я одного стараго солдата. — «Когда мыши не видятъ кошки, онъ рѣвзается и шалитъ», отвѣчалъ бывалый служака. Офицеры относились къ происшествію строже. — «Теперь генералъ еще разъ убѣдился, что не всегда случается такъ, какъ онъ ду-

насъ», говорили они. «Ватаиэмский командир растерялся бы не хуже генерала, и очень вѣроятно, мы не полезли бы напрасно такой большой котери. Но генералъ воображаетъ, что и здѣсь то же что въ Испаніи: будто стоитъ только показать нилку битымъ собакамъ, чтобы заставить ихъ дать стрелка».

Мы бивуакированы недалеко отъ Кришнаго, которое, однако, оставили позади себя справа. Погода, хотя и негостеприимная, была опасна; только во-временамъ тревожила насъ порывы вѣтра и гасили наши костры. Тамъ какъ эти сильные порывы вѣтра поднимались внезапно и такъ же споре улегались, повторяясь въ особенности ночью, то многие пророчили наступленіе ранней и суровой зимы.

11-го сентября (30-го августа) движенія не было. Наши солдаты, ходившіе на добычу, возвратились съ хлѣбомъ, саломъ и свѣжиимъ мясомъ; но соли у насъ, во прѣмьну, не было. Впрочемъ, съ того дня, какъ мы попали въ авангардъ, и до 4-го октября (22-го сентября), т. е. до перваго сраженія при Тарутинѣ, наши войска не нуждались въ продовольствіи. Хорошо-воздѣланная страна, обширныя и замѣчательныя селенія, мимо которыхъ мы проходили и которыя не были еще сожжены—если того не дѣлали наши мародеры—доставляли намъ и жизненные припасы, и фуражъ. Случалось даже, что въ нѣкоторыхъ деревняхъ, невронутыхъ вторженіемъ, мы находили сироты сѣна и големы.

12-го сентября (31-го августа), въ десять часовъ утра, выступили мы далѣе; но едва прошли нѣсколько миль—маршъ вообще былъ вялый—какъ начали безпрестанно останавливаться, хотя никого впереди себя не видали. Словомъ, мы плелись оступью. Наша дивизія слѣдовала по лѣвую сторону большой дороги и, наконецъ, расположилась бивуакомъ въ лѣсу. Селеніе, которое мы видѣли на нашемъ правомъ флангѣ, но довольно далеко, была деревня Вазема, какъ намъ сказали. Во весь день не происходило ни дѣла, ни канонады.

13-го (1-го сентября), выступивъ опять въ десять часовъ, мы прошли одиннадцать верстъ по хорошо-обработанной мѣстности и бивуакировали близъ неизвѣстной мѣст деревни. Ночь была неприятная; холодный перывистый вѣтеръ разгуливалъ по полямъ, гасилъ костры и приводилъ въ безпокойство даже лошадей. Впереди насъ стояла, какъ и прежде, вся кавалерія; вѣхоты же не было видно. Видели, влѣво передъ нами и около семи верстъ позади насъ, горизонтъ окаймлялся красною полосой: вѣроятно, это были бивуаки вице-короля Евгенія и главныхъ силъ арміи.